

Содержание категории «активность» в отечественной психологии

И. Г. ДУБОВ

*доктор психологических наук, заведующий лабораторией
социально-психологических проблем развития личности
Психологического института РАО*

В данной статье дается сравнительный анализ различных подходов к пониманию активности в отечественной психологии, выявляется отличие смыслового наполнения категории «активность» в русском языке от англоязычной семантики данного понятия, прослеживается история освоения понятия российской психологической наукой. В статье рассматриваются различные попытки разведения категорий «деятельность» и «активность». Анализ психофизиологических работ позволяет соотнести выводы о психофизиологических референтах активности с существующими в обыденном сознании представлениями на этот счет. Статья содержит предложения об устранении сложившейся семантической амбивалентности данной категории, что позволяет лучше операционализировать понятие «активность» в прикладных исследованиях.

Ключевые слова: *активность, деятельность, поведение, темперамент, свойства нервной системы, установка, направленность.*

В последнее время в общественно-политическом пространстве России все громче раздаются призывы наращивать темпы развития страны. Эти призывы обусловлены перманентным отставанием России от мировых лидеров, ее неспособностью достичь уровня развитых стран во многих областях. Об острой необходимости реализации инновационного пути развития говорил в 2008 г. предыдущий Президент РФ В. В. Путин, представляя Госсовету Стратегию—2020. О такой же крайней необходимости модернизации писал в 2009 г. нынешний Президент России Д. А. Медведев в своей статье «Россия, вперед». Причем, как следует из послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, реализация этой цели видится на пути качественного улучшения суще-

ствующей ситуации практически во всех сферах жизнедеятельности людей.

Однако ожидаемая модернизация не может успешно осуществиться исключительно по указанию властных структур. Необходимым условием этого является индивидуальная активность десятков тысяч людей, у которых есть не только возможность, но и желание менять свою жизнь, людей, представляющих все слои населения и способных своим движением и своим примером увлечь за собой всю страну. В этой связи главным фактором обеспечения масштабной модернизации является не только наличие миллионов людей, разделяющих цели и задачи заявленного Президентом курса, но и их высокая активность, обеспечивающая эффективную деятельность на пути к достижению поставленных целей.

Подобная постановка вопроса обуславливает необходимость проведения масштабных научных исследований, посвященных энергетическому и инновационному потенциалу населения, тому национальному ресурсу, на который может опереться руководство страны для решения стоящих перед страной задач. И одним из основных направлений таких исследований должны были бы стать исследования человеческой активности, причем не только механизмов возникновения индивидуальной активности, но и уровня активности, характеризующего различные социально-демографические группы населения и общество в целом.

Большая роль в развитии подобных исследований принадлежит психологии, для которой изучение активности личности является не просто одним из приоритетных направлений, а, по сути, важнейшим смыслообразующим фактором, обеспечивающим ее существование и развитие. Указанные исследования ведутся психологами уже давно — с самого зарождения психологии как науки. В ходе этих исследований психологами накоплен огромный материал, являющийся серьезной базой для решения как фундаментальных, так и прикладных задач. Однако до сих пор проводимые в этой сфере исследования не достигли должного масштаба, особенно необходимого на нынешнем этапе развития страны. И одной из причин такого положения дел является несовершенство существующего для исследований активности инструментария, а также применяемого понятийного аппарата.

Давно получившее права гражданства в психологической науке понятие «активность» имеет не то чтобы нелегкую, а, прямо сказать, незавидную судьбу.

Вкладываемые в данное понятие смыслы настолько разнообразны, что зачастую вступают в очевидное противоречие между собой. Чтобы лучше оценить масштабы явления, следует обратиться к монографии В. Л. Хайкина, целиком посвященной теоретическим проблемам активности [29]. Мучительное стремление определиться с тем, что такое активность — то ли свойство деятельности, то ли ее условие, то ли сама деятельность, — и невозможность выбрать одну из указанных парадигм как единственно возможную приводят автора к необходимости эклектичного, а не аналитического изложения материала, утрате смыслового стержня, на который могло бы «называть» содержание монографии.

Для более точного понимания и системного изложения коллизий, сложившихся вокруг этой важнейшей для психологии категории, необходимо рассмотреть этимологию данного понятия.

Слово «активность» пришло к нам из английского языка («*activity*»), а туда, в свою очередь, из латыни («*actio*»). В обоих языках это слово означало «деятельность». Для того чтобы лучше понять англоязычную семантику данного термина, представляется целесообразным обратиться к словарю Вебстера [30] и рассмотреть отраженные в словаре значения этого и близких ему понятий.

Act (сущ. *действие* или глаг. *действовать*) — 1) нечто сделанное, делаемое, дело, исполнение; 2) процесс делания; 3) формальное приказание, закон, правило и пр.; 4) документ, подтверждающий какое-либо действие или операцию.

Action (сущ. *действие, деятельность, поступок, деяние*) — 1) действие, процесс или существование делания, деятельное существование; 2) нечто сделан-

ное или исполненное, дело, исполнение; 3) сознательное или волевое действие, которое может быть охарактеризовано как физическая или ментальная деятельность; 4) обычное действие, поведение, образ действий.

Active (прилаг. *действующий, деятельный, активный*) — 1) участвующий в действии, которое может быть охарактеризовано энергичной работой, участием и т. п., занятость; 2) находящийся в состоянии существования, развития, движения; 3) включивший физические усилия и действия; 4) обладающий силой быстрого движения.

Activity (сущ. *деятельность*) — 1) состояние или качество пребывания в действии; 2) конкретный поступок, действие или сфера деятельности; 3) работа; 4) энергичная деятельность, воодушевление, оживление.

Приводимые словарные статьи ограничены четырьмя первыми (т. е. главными) дефинициями. Их вполне достаточно, чтобы увидеть, что основное значение данного понятия сводится к самому моменту действия. Энергичность же как обязательная характеристика данного действия существует на периферии семантической сферы ведущих значений, составляющих данное понятие. Она наличествует в его содержании, но лишь как своеобразная антитеза понятию пассивность (*passivity*), которое словарь Вебстера определяет как состояние или условие пассивного бытия. Ключевым для понимания данного понятия является прилагательное пассивный (*passive*), которое определяется в словаре следующим образом: 1) не реагирующий заметным образом на то, что ожидается должно продуцировать какие-либо проявления эмоций; 2) не участвующий с готов-

ностью, бездейственный (например, «пассивный член комитета»); 3) не проявляющий видимой реакции или деятельного участия (например, «играющий пассивную роль»); 4) инертный или спокойный, неподвижный.

Таким образом, из всех приведенных выше определений становится понятным, что слово *activity* в английском языке, являясь антонимом слова *passivity*, характеризует нечто, противоположное бездействию, т. е. любое действие, выводящее организм из состояния покоя. Это действие не имеет содержательного значения (для этого есть слово *behavior*), оно имеет, прежде всего, энергетическую окраску, но сама энергетика, заложенная в данное понятие, не обязательно должна быть высокой — достаточно, чтобы производимое действие энергетически отличалось от абсолютного нуля.

В русский язык слово «активность» вошло достаточно давно. Оно упоминается уже в словаре Даля, где «активный» определяется как «деятельный, действующий, жизненный, живой, не мертвый». Однако только в середине прошлого века понятие «активность» стало приобретать вид научной дефиниции. И главная заслуга во введении слова «активность» в широкий психологический обиход принадлежит Н. А. Бернштейну, создателю нового направления в науке — физиологии активности.

Отстаивая точку зрения, согласно которой поведение человека, и шире — любого живого организма, детерминировано не столько внешними стимулами, сколько внутренними интенциями, связанными со стремлением достичь образа потребного будущего, Н. А. Бернштейн использовал понятие «активность» как антоним «реактивности», означавшей

реакцию организма на раздражители внешней среды. В целом научная парадигма, заявленная Н. А. Бернштейном, являясь антитезой павловского детерминизма, заменяла причинное объяснение жизнедеятельности целевым.

Следует специально подчеркнуть, что активность, в понимании Н. А. Бернштейна, практически лишена энергетической составляющей. Речь идет исключительно о постулировании и доказательстве определяющей роли внутренней программы в актах жизнедеятельности организма. В этой парадигме на первый план выходит информационный, содержательный аспект. В зависимости от уровня организации различных актов жизнедеятельности организма лежащая в основе указанной программы информация имеет различную степень сложности и различную степень осознанности. Именно наличие этой информации, задающей образ результата действия или образ потребного будущего, и является основой построения деятельности в том виде, в котором данная категория разрабатывалась Н. А. Бернштейном.

Безусловно, любая деятельность осуществляется посредством энергетических затрат, являющихся следствием выхода организма из состояния покоя. Однако энергетические затраты не отражают сущность описываемых процессов, и их величина не является ключевым индикатором для понимания активности в том значении, которое придавал ей Н. А. Бернштейн: «Уточняя для дальнейшего нашу терминологию, скажем, что цель, понимаемая как закодированная в мозгу модель потребного организму будущего, обуславливает процессы, которые следует объединить в понятии целеустремленности. Последняя включает в

себя всю мотивацию борьбы организма за достижение такой цели и ведет к развитию и закреплению целесообразных механизмов ее реализации. А вся динамика *целеустремленной борьбы* (выделено мною. — И. Д.) посредством целесообразных механизмов есть комплекс, который правильнее всего объединить под термином «активность» [3, с. 288–289].

Приведенная цитата свидетельствует, что Н. А. Бернштейн, безусловно, не упускал из виду тот факт, что целенаправленная деятельность организма практически всегда подразумевает преодоление сопротивления среды, связанное с энергозатратами. Однако содержание всех его работ ясно показывает, что указанные энергозатраты, являясь необходимой составляющей «активности», не были для него смысловой сердцевинной данного понятия. Активность, по Н. А. Бернштейну, это, прежде всего, реализация модели потребного будущего, что означает выход на первое место информационного аспекта понятия. В определении активности как динамики целеустремленной борьбы ключевым для Н. А. Бернштейна словом является слово «целеустремленной», а слово «борьбы» носит вспомогательный характер.

Между тем предложенный подход не свободен от недостатков. В узком смысле (несмотря на то что понятие характеризовало самый широкий круг явлений) термин «активность» как противопоставление «реактивности» выполнял свою задачу. Однако как только его гносеологическое употребление сменилось онтологическим использованием, стали видны «врожденные» семантические пороки применения понятия с упором на информационный аспект его содержания.

Дело в том, что ко времени, когда работы Н. А. Бернштейна стали приобретать широкую известность, в советской науке уже существовало понятие «деятельность», во многом перекрывавшее семантику англоязычного *activity*. Если бы такого понятия не было, то слово «активность», имея семантическим ядром «бернштейновские интенции», окрашенные необходимыми для их реализации энергозатратами, вполне могло бы укрепиться в том же значении, какое оно имеет в английском языке. Однако история развития науки распорядилась иначе.

Справедливости ради следует отметить, что в 40-е гг. XX в., еще до того, как понятие «активность» было маркировано Н. А. Бернштейном по-своему, в отечественной психологии имела место еще одна попытка вытеснить «деятельность» «активностью». Она основывалась на том, что содержание категории «деятельность» в том виде, в котором эта категория использовалась в 30-х гг., сводилось к простому действию, т. е. характеризовало только часть деятельностного процесса — исходившую из индивида вовне. Именно тогда С. Л. Рубинштейн и попытался, сохранив за «деятельностью» низший уровень содержания, ввести в научный обиход понятие «активность» в качестве характеристики более высоких уровней процесса, например, мышления [21, с. 98–99].

Однако эта попытка, способная привести к серьезной редукции понятия «деятельность» и закреплению за ним исключительно операторного воздействия человека на среду, не оказалась удачной. В результате понятие «деятельность» было успешно освоено и глубоко проработано А. Н. Леонтьевым, придавшим ему тот богатый смысл, в котором оно используется до сих пор [14].

Вместе с тем, понятие «активность» также сохранилось в научном обиходе, однако при этом проблема определения соотношения деятельности и активности осталась нерешенной — изменилось лишь наполнение этих понятий значениями. В результате понятие «активность» вследствие стоящей перед исследователями задачи поиска различий между ним и деятельностью стало вынужденно смещаться в сторону от своего английского «прародителя». Не будучи способным заменить собой «деятельность», понятие «активность» стало чаще всего использоваться в узком смысле, причем этот узкий смысл сводился либо к сугубо информационной, либо к исключительно энергетической стороне понятия. Конечно, наряду с этим не прекращались и попытки объединить в понятии оба смысла, одновременно отыскав для этого слова самостоятельную, четко отделяющую его от «деятельности» нишу. Однако попытки эти нельзя признать эффективными.

Даже самое лучшее русскоязычное определение активности, принадлежащее В. А. Петровскому, который писал, что «в соотношении с деятельностью, активность субъекта определяется как динамическое условие ее становления, реализации и видоизменения, как свойство ее собственного движения» [9, с. 12], не может быть в силу указанных обстоятельств строго дословно переведено на английский язык. Ведь если еще учесть, что «динамика» (*dynamic*), согласно словарю Вебстера, — это «характеризующееся энергией или эффективностью действие; энергично действующий или силовой», то определение в переводе должно прозвучать следующим образом: «деятельность определяется как характеризующееся энергией условие становления

деятельности». Если же, наоборот, при-
дать термину «активность» его сложив-
шийся в русском языке смысл, то полу-
чится, что «энергичная деятельность яв-
ляется энергетическим условием станов-
ления деятельности» или, в соответст-
вии с цитируемой словарной статьей из
«Психологического словаря», «деятель-
ное состояние организма является энер-
гетическим условием становления дея-
тельности». Подобная тавтология явля-
ется не оправданной и требует тщатель-
ного уточнения содержания понятия
«активность».

Желание различных авторов остано-
виться при использовании слова «актив-
ность» в англоязычной парадигме и рас-
сматривать активность как альтер эго,
декалькомани или некую ипостась дея-
тельности в конечном счете реализовы-
валось как стремление описать «себя че-
рез себя». Так, например, в уже упоми-
навшемся «Психологическом словаре»
«деятельность» определяется как «целе-
устремленная активность, реализующая
потребности субъекта» [9, с. 90], а в рабо-
те В. Н. Кругликова «под активностью
подразумевается любая обусловленная,
мотивированная, направленная к дости-
жению определенной цели и определяе-
мая внутренним отношением к ней дея-
тельность субъекта» [10, с. 39].

Иными словами, тогда как одни авто-
ры полагают деятельность целенаправ-
ленной активностью, другие считают,
что активность — это целенаправленная
деятельность. Выявленное противоре-
чие носит очевидно конвенциональный
характер и сводится к проблеме: какое

понятие считать видовым, а какое родо-
вым. Однако подобный спор следует
признать схоластическим, поскольку
любое принятое на этот счет решение не
устраняет проблемы синонимии двух
терминов, при которой один из них ока-
зывается лишним¹.

В свою очередь, использование «ак-
тивности» в «информационной», или,
иначе, в «содержательной» парадигме
широко распространилось в отечествен-
ной социальной психологии, неоправ-
данно деформировав категориальный
аппарат данной науки. Понимание ак-
тивности как деятельности по реализа-
ции установки на достижение образа по-
требного будущего, а установки как «со-
стояния готовности к определенной ак-
тивности» (Узнадзе) привело к тому, что
в социальной психологии под активнос-
тью стал пониматься широкий круг со-
держательных феноменов, связанных с
мотивацией поведения индивида.

Именно так, например, считает
К. А. Абульханова-Славская: «... боль-
шинство существующих в социальной
психологии типологий представляют со-
бой классификацию отдельных форм ак-
тивности: установок, поведения, созна-
ния и т. д.» [2, с. 10]. В этой же парадиг-
ме одной из форм активности является,
по ее мнению, и направленность личнос-
ти [1, с. 18–19].

Такое ничем не оправданное расши-
рение понятия, когда активность пони-
мается как «наше всё», «накрывая» со-
бой и направленность, и установки, и по-
ведение, и даже сознание в целом, приво-
дит, помимо прочего, и к редуцированию

¹ И это если оставить в качестве фигуры умолчания риторический вопрос о том, может ли деятель-
ность (деятельность, а не поведение) быть нецеленаправленной? А ведь именно этот вопрос возникает в
том случае, когда активность определяется как целенаправленная деятельность.

деятельности, приданию деятельности вспомогательных по отношению к активности функций.

«Активность личности — это единство отражения, выражения и реализации внешних и внутренних тенденций в жизни личности. Активность — ценностный способ моделирования, структурирования и осуществления личностью деятельности, общения и поведения, при котором она приобретает качество более-менее автономно, более-менее целостно и более-менее успешно функционирующей системы в межличностном пространстве. Активность выступает как способ оформления потребности в мотивационной сфере личности, как способ репрезентации этой потребности в мире, как своеобразная «заявка» на ее удовлетворение; активность, в свою очередь, выявляет условия удовлетворения потребностей, т. е. осуществляет ориентацию в мире под ее углом зрения и только затем осуществляет ее удовлетворение, т. е. оформляет соответствующую деятельность» [2, с. 11].

В этом определении именно активность «руководит» деятельностью, оформляет ее, придает деятельности смысл. Представителям данного подхода, возможно, казалось, что им удалось удачно развести «активность» и «деятельность», оставив за «деятельностью» поле общей психологии и сделав «активность» ключевым понятием психологии социальной. Однако деятельность здесь выступает как бессодержательное начало, наполняемое содержанием исключительно благодаря активности, что совершенно не соответствует тем представлениям о деятельности, которые вкладывали в это понятие разработчики данной категории. Деятельность изначально ак-

тивна по определению, не бывает пассивной или «неактивной» деятельности, при этом мотивы и цели деятельности неразрывно связаны с деятельностью, которой без них просто не существует (иначе это не деятельность), и вовсе не нуждаются в специальном их оформлении с помощью активности.

Между тем, при указанной постановке вопроса лишается смысла и само понятие активности. По сути, идея о том, что активность — это установки, направленность, сознание, поведение и даже ценности, формально не противоречит представлениям Н. А. Бернштейна об активности как о «динамике целеустремленной борьбы» за достижение образа желательного будущего. Все перечисленные категории, безусловно, имеют и содержательный, информационный аспект, описывающий вышеозначенный образ желаемого будущего, и вместе с тем в них заложена интенциональная составляющая, позволяющая говорить о стремлении к цели и о ее достижении. Однако раскрытие понятия «активность» как собирательного по отношению к установкам, направленности, поведению, сознанию и т. д., начисто выхолащивает собственный, самостоятельный смысл активности, делает это понятие всеобъемлющим, а следовательно, слишком размытым и практически неоперационализируемым.

В рамках такого подхода было написано немало работ. Большая часть их принадлежала педагогам и педагогическим психологам. Смещение акцента с энергетического аспекта активности на ее информационную составляющую приводило к тому, что активность рассматривалась не как бессодержательная энергетическая основа или энергетическая характеристика деятельности, а как

сама вполне содержательная деятельность, которую надо формировать и направлять: «Выявление психологических предпосылок активности личности — одна из наиболее важных проблем в психологической науке. <...> Эту активность необходимо либо поддерживать и развивать, либо возрождать и содействовать ее изменению к лучшему» [17, с. 3].

И даже еще более жестко:

«Под активностью понимают:

1. Внешнюю и внутреннюю деятельность субъекта, определяемую по ее конечному результату или фиксируемому физическим проявлениям.

2. Деятельность, имеющую положительную направленность по отношению к определенной цели. <...>

3. Деятельность, обусловленную внешними факторами социальной среды, но определяемую, в конечном счете, внутренним состоянием субъекта. Деятельность, зависящую от его отношения к цели, от уровня стремления в ее достижении» [10, с. 39].

В то же время параллельно с разработкой понятия социальными психологами происходило быстрое освоение его общественными науками и, соответственно, идеологическими работниками. Главный свой смысл «активность» обрела в рамках коммунистической пропаганды в словосочетании «активная жизненная позиция». Этот термин использовался и ранее, но максимально широко он был растиражирован после своего появления в отчете ЦК КПСС XXV съезду партии [15, с. 77].

Само по себе понятие «активная жизненная позиция» было производным от достаточно хорошо проработанного в марксистской философии понятия «социальная активность». Однако если «со-

циальная активность» предполагала определенную историчность, т. е. изменение своего содержания «в зависимости от степени развития общества», что означало возможность самых разных ее проявлений, то «активная жизненная позиция», формирование которой объявлялось важнейшей задачей нравственного воспитания, уже не мыслилась иначе, нежели борьба личности за коммунистические идеалы.

В посвященной этому вопросу литературе часто можно было встретить такие высказывания: «Активная жизненная позиция характеризуется как одна из форм жизненной позиции, отличающаяся новыми чертами, специфическими характеристиками, проявляющимися в активной деятельности личности. Ее сущностной характеристикой является бескомпромиссная и последовательная борьба за успешное претворение в жизнь идеалов коммунизма. Основу активной жизненной позиции составляет коммунистическое мировоззрение, сознательное отношение к общественному долгу, нравственная ответственность, единство слова и дела» [8, с. 12] или «Центральным элементом в структуре активной жизненной позиции личности является коммунистическая идейная убежденность, классовая партийная позиция, выражающая социально-классовую направленность взглядов и деятельности человека» [28, с. 10].

Однако одновременно с появлением достаточно емкого в содержательном отношении термина «активная жизненная позиция» произошло и определенное смещение семантики используемого в идеологических сочинениях термина «активность». Все чаще стало встречаться словосочетание «активная деятель-

ность личности», а выражение «проявить активность», означающее «совершить энергичный, выходящий за рамки обычного поступок», начало восприниматься как идентичное словосочетанию «проявить инициативу». Слово «активность» стало все больше дифференцироваться с понятием «деятельность», используя теперь уже исключительно в своем энергетическом значении: «жизненная позиция реализуется в деятельности и требует от личности активности» [5, с. 15]. С точки зрения охвата психологических феноменов понятие «активность» так и оставалось всеобъемлющим, но в обыденном сознании смысл понятия сильно редуцировался до энергичной и социально значимой самореализации субъекта.

Акцентирование при повседневном употреблении понятия «активность» средствами массовой информации (а значит, и при использовании обыденным массовым сознанием) такой его семантической составляющей, как «энергичность», хорошо соответствовало применению данного термина в других областях психологической науки. Надо сказать, что традиция подобного понимания слова «активность» возникла далеко не в советское время. Еще в начале XX в. А. Ф. Лазурский, разрабатывая свою типологию личности и ставя знак равенства между «активностью» и «энергией», писал: «При нормальных внешних условиях и соответствующих воспитании и образовании уровень этот определяется, как уже сказано, природной одаренностью человека, сводящемуся, в конце концов, к общему (потенциальному) запасу его нервно-психической энергии или, употребляя другой термин, к присущему ему большому или

меньшему количеству психической активности. Само собой разумеется, что под словами «активность» и «энергия» следует понимать отнюдь не волевое усилие в узком смысле этого слова (как это делают нередко психологи волюнтаристского толка), а нечто гораздо более широкое, лежащее в основе всех наших душевных процессов и проявлений» [11, с. 12].

Очевидно, что энергичность, с которой действует человек, зависит от самых различных факторов, в число которых входят и общее состояние его здоровья, и обусловленное актуальной ситуацией физиологическое состояние организма, и переживаемые им эмоции. Степень активности во многом предопределяется индивидуальной мотивацией, включающей как ситуативные мотивы, так и характерный для данного индивида уровень общей мотивации достижения. На человеческую активность сильно влияют окружающие условия, включая условия труда, а также характеристики самой деятельности и значимость переживаемой ситуации. Не следует забывать и о степени сформированности необходимых навыков, отсутствие которых может сильно «гасить» активность индивида. Однако при этом перечисленные факторы являются лишь обстоятельствами, способствующими или препятствующими проявлению некоторой сущности, тогда как сама сущность, постоянно и неизменно проявляющаяся приблизительно на одном и том же уровне во всех аспектах внутренней психической жизни и внешнего поведения индивида, является ничем иным, как природной энергетикой человека, той нервной или психической энергией, которая заложена в нем с самого рождения.

В этой связи, обращаясь к истокам формирования понятия «активность», нельзя забывать о роли в привлечении внимания к энергетической стороне психической деятельности, которую сыграл З. Фрейд, использовавший понятие «психическая энергия» как ключевое для объяснения активности организма. Его учение о психодинамике базировалось на прогрессивном понимании организма как энергетической системы, хотя нельзя не отметить, что энергия, обеспечивающая функционирование этой системы, была у З. Фрейда исключительно энергией полового инстинкта. Заслуга З. Фрейда в том, что он привлек внимание психологов к энергетическому аспекту поведения, сделав его одним из ключевых контрапунктов психологической науки, и начал переводить физиологические термины в психологические, заменив, например, понятие «возбуждения» «психической энергией». Однако до конца решить эту задачу и разобраться в сущности энергии психического он не успел.

И хотя современная наука далеко продвинулась с тех пор в физиологии и биохимии природной энергетики людей, нельзя сказать, что в настоящее время данный вопрос изучен исчерпывающим образом. В этой связи Я. Стрелю осторожно писал: «Я предпочитаю использовать понятие *нейро-эндокринной индивидуальности*, когда речь идет о физиологической базе энергетических компонентов темперамента» [25, с. 44]. Однако в любом случае, какова бы ни была биохимическая основа изучаемых процессов, и для физиологов, и для психологов речь идет о динамических (энергетических) проявлениях человеческой индивидуальности в поведении, мышлении, эмоциях и пр., т. е. о темпераменте. Как,

обобщая, отмечала А. Е. Ольшанникова, при всех различиях в подходах и в понимании сущности темперамента большинство классификаций и теорий сходятся на том, что предметом изучения являются характеристики динамических особенностей индивида, а двумя главными компонентами темперамента являются активность и эмоциональность [9, с. 381].

Разделяя указанные фундаментальные положения, различные ученые по-разному понимали природу темперамента. В частности, помимо гуморальной теории, связывающей темперамент с химией наполняющих человека веществ, большое распространение получил подход, обуславливающий различия в темпераменте различиями в конституции людей. Однако наиболее масштабным направлением стало то, где в качестве референта устойчивых психодинамических особенностей поведения индивида рассматривались его психофизиологические или нейрофизиологические характеристики.

Системную основу рассматриваемого подхода, как известно, заложил И. П. Павлов, ставивший знак равенства между характеристиками темперамента и свойствами нервной системы. И. П. Павлов считал, что в основе высшей нервной деятельности лежат три компонента: сила, уравновешенность и подвижность нервной системы. При этом сила нервной системы понималась И. П. Павловым как способность нервных клеток сохранять нормальную работоспособность при интенсивных возбудительных и тормозных процессах, коррелирующая с высокой работоспособностью индивида, уравновешенность нервной системы — как одинаковая выраженность нервных процессов торможения и

возбуждения, обеспечивающая спокойствие индивида в критических ситуациях, и подвижность нервной системы — как способность быстрого перехода от одного процесса к другому, связанная с быстротой реагирования индивида, легкостью переключения его внимания, скоростью приобретения им навыков и т. п. [20, с. 267—293].

Наряду с этим еще в 1909 г. Г. Хейманс и Е. Вирсма предложили подтвержденную позднее с помощью факторного анализа трехмерную теорию темперамента, состоящего из активности (т. е. энергичной деятельности), эмоциональности и первичной или вторичной функции (персеверативности), означающих, соответственно, быстрое угасание или, наоборот, стойкость реакции на раздражитель.

Факторный анализ был применен и С. Бертом, который в 1937 г. выделил также три фактора, составляющих структуру темперамента. Этими факторами были общая эмоциональность — vs — эмоциональная неустойчивость; стенические (экспрессивные) — vs — астенические (заторможенные) эмоции; положительные — vs — отрицательные эмоции.

Практически в то же время (1934) Дж. Гилфорд предложил структуру темперамента, включающую 13 биполярных факторов (активность, доминантность, мужество, уверенность в себе, спокойствие, общительность, рефлексивность, депрессия, эмоциональность, сдержанность, беспристрастность, доброжелательность, терпимость), которые позднее были объединены К. Лоуэллом в четыре вторичных фактора (вспыльчивость, реализм, эмоциональность, социальная адаптируемость).

Другой факторный анализ, проведенный Л. Терстоном, позволил построить на основе 13 факторов Дж. Гилфорда семь вторичных биполярных факторов (активность, энергичность, импульсивность, доминантность, стабильность, социабельность, рефлексивность).

Большую известность получила концепция Г. Ю. Айзенка, чьи представления о темпераменте укладываются в рамки типов, обеспечивающихся различным сочетанием двух факторов: нейротизма-эмоциональной стабильности и интроверсии-экстраверсии, куда в качестве первичной черты входила и активность.

Разное сочетание различных аспектов активности и эмоциональности лежит в основе типологии К. Леонгарда, выделившего шесть основных типов темперамента (гипертимический, дистимический, эмотивный, аффективно-лабильный, аффективно-экзальтированный, тревожный).

Одновременно в СССР развитие представлений о темпераменте происходило в рамках «тепловской» школы, к которой, помимо самого Б. М. Теплова, принадлежали такие ученые, как В. Д. Небылицын, Э. А. Голубева, В. М. Русалов, Н. С. Лейтес, М. В. Бодунов, А. И. Крупнов, Б. Р. Кадыров, В. И. Рождественская и др. К этой группе примыкал и польский ученый Я. Стреляу, идущий к исследованию темперамента от психологии личности с характерными для нее методами исследования и анализа, но ориентирующийся в этом анализе на понимание природы темперамента психофизиологами.

Представители данного направления внесли заметный вклад в развитие представлений о психодинамических особен-

ностях человека. Как известно, И. П. Павлов в своих работах не употреблял понятия «активность», и именно В. Д. Небылицыну принадлежит заслуга введения в научный обиход этого понятия для использования наряду с эмоциональностью в качестве одного из важнейших компонентов темперамента. Помимо этого, В. Д. Небылицын, широко экспериментируя, старался по-новому раскрыть структуру свойств нервной системы человека, добавив к их перечню динамичность и лабильность, в результате чего структура основных свойств нервной системы стала 12-мерной, состоящей из восьми первичных свойств (силы, лабильности, динамичности и подвижности отдельно по возбуждению и по торможению) и четырех вторичных (уравновешенности по каждому из этих свойств) [18, с. 32].

В. М. Русалов позднее предложил рассматривать темперамент как восьми-мерную структуру, состоящую из социальной эргичности (выносливости), социальной пластичности, социального темпа, социальной эмоциональности, предметной эргичности, предметной пластичности, предметного темпа и предметной эмоциональности [23]. В то же время Э. А. Голубева считала, что павловская классификация свойств нервной системы (а значит, и типов темперамента) не устарела, но что изучать силу, уравновешенность и подвижность следует в двух различных вариантах: применительно к условным возбуждению и торможению и применительно к безусловным возбуждению и торможению [4, с. 186].

Следует отметить, что, несмотря на некоторые частные разногласия, работы этих специалистов были выполнены в

едином методологическом и методическом ключе. Все они сходились на том, что темперамент характеризуется, в первую очередь, скоростью, интенсивностью (напряженностью), темпом и ритмом человеческих действий, а в качестве референта психологических характеристик темперамента должны рассматриваться типологические свойства нервной системы и устойчивые особенности биоэлектрической активности головного мозга.

В принципе, различие между двумя описанными выше подходами к изучению темперамента — психофизиологическим и факторным (трейтовым) — сводится к разнице в способах решения очень простой и одновременно невероятно сложной проблемы. Очевидно, что природная энергия человека проявляется в разных видах и формах, которые можно обобщенно (не различая интеллектуальные, моторные, эмоциональные, коммуникативные и другие проявления) назвать человеческим поведением. Важнейшей задачей науки является типологизация этой гигантской сферы, выделение в ней главных составляющих, понимание ее структуры. Вопрос заключается лишь в том, как, на основании каких критериев следует выделять эти виды и формы, где должны пройти разграничительные линии внутри обширнейшего набора поведенческих актов, связанных с динамической стороной жизнедеятельности людей.

Несомненно, вопрос деления всего континуума поведенческих проявлений энергетики человека на различные, но при этом внутренне единые, объединенные общим смыслом группы является в большой степени конвенциональным актом. Однако такое деление не может

быть простым соглашением между занимающимися данной проблемой исследователями, поскольку в основе его все-таки лежат разные по своей сути психологические и физиологические процессы. И если эти процессы не будут адекватно учтены, то предложенные типологии разойдутся с реальностью, став вместо инструмента познания источником ошибок, чреватых самыми негативными последствиями.

Очевидно, что часть ученых, размышлявших над указанной проблемой, опиралась на свою интуицию, деля поведенческий континуум в соответствии с личным пониманием природы человека. Такие попытки имели место в основном на ранних стадиях развития науки и были характерны для тех философов и психологов, которые творили до начала эпохи развернутых эмпирических исследований и создания соответствующего математического аппарата. Указанному делению были посвящены размышления Гиппократов и Галена, Платона и Аристотеля, Гегеля и Канта, Декарта и Руссо и многих других великих мыслителей, пытавшихся с той или иной степенью гениальности «расчленить» ход анализа наблюдаемую ими действительность.

В новой истории науки, когда абсолютное большинство исследований утратило умозрительный характер, а для обработки полученных эмпирических данных был создан современный математический аппарат, исследователи темперамента для решения стоящей задачи стали прибегать к использованию факторного анализа. Применение факторного анализа позволяло выявить те глубинные смыслы, которыми руководствуются люди при оценке ими поведения и которые одновременно являются глав-

ными критериями дифференциации поведения на смысловые группы.

Другая часть авторов выбрала иной путь, решив опираться в решении данной проблемы не на субъективные критерии разбиения, а на объективно существующие явления, способные выступить в роли таких критериев. В этом качестве были выбраны физиологические и биохимические процессы, ответственные за осуществление человеческой жизнедеятельности и, в первую очередь, физиологические свойства нервной системы, число которых было конечно и невелико и которые с очевидностью играли большую роль в детерминации динамической стороны поведения человека.

Из опубликованных работ видно, что представители и первого направления стремились соотнести свои наработки с психофизиологическими исследованиями, и второго часто использовали факторный анализ как математическую процедуру обработки данных. Но сути коренного различия между подходами это не меняет. Первые в своем движении к пониманию структуры темперамента опирались, прежде всего, на оценки поведения, сделанные испытуемыми, вторые — на физиологические процессы, происходящие в организме человека.

Следует отметить, что, хотя способ дифференциации безграничного набора поведенческих паттернов с помощью факторного анализа оценок людьми либо своего поведения, либо поведения окружающих представляется более корректным с точки зрения обращения непосредственно к изучаемым формам поведения, в основе его все-таки лежит субъективная, а значит, далеко не всегда адекватная картина окружающего мира. В подобных исследованиях выявляемое

смысловое разбиение определенной стороны реальности (в данном случае динамического поведения людей) воспроизводит специфику объединенного сознания либо «пула экспертов», либо большего числа рядовых респондентов, иначе говоря, «простых людей». В первом случае исследователи имеют дело с небольшим числом экспертов, разбирающихся в проблеме, но не представляющих при этом общество в целом. Во втором они имеют дело не только с объединенным экспертным, но еще и с обыденным сознанием, которое гораздо сильнее, чем сознание экспертов, склонно искажать окружающий мир.

В то же время обращение к свойствам нервной системы представляется более надежным, поскольку апеллирует к хорошо фиксируемой и легко измеряемой объективной реальности. Однако и в этом случае существует ряд проблем, не позволяющих без критического анализа принять полученные в подобных исследованиях результаты, к числу которых, прежде всего, относится психофизиологическая проблема.

По сути дела, наличие психофизиологической проблемы обусловлено очень простым обстоятельством. За десятилетия исследований ни нейрофизиологи, ни психофизиологи, ни биохимики не смогли с помощью имеющихся у них методов исследования научиться различать в физиологических процессах человеческое *содержание* происходящего. Фигурально выражаясь, они так и не сумели добиться, чтобы фиксируемые ими электрические импульсы и химические реакции говорили на языке тех смыслов, которые человеческая жизнедеятельность имеет для людей, точно раскрывали экспериментаторам проис-

ходящее в сознании испытуемых. К сожалению, при нынешнем уровне развития науки указанное препятствие является непреодолимым, за счет чего любые деления наблюдаемого поведения на смысловые сегменты с опорой на физиологические свойства организма будут достаточно условными.

Тем не менее полученные в указанных исследованиях результаты не могут не вызывать пристального внимания тех, кто собирается изучать человеческую активность.

Первое определение общей психической активности в рамках «тепловской школы» дал В. Д. Небылицын, охарактеризовав ее как «тенденцию личности к самовыражению, эффективному освоению и преобразованию внешней действительности» [19, с. 178]. В предложенном определении активность не описывала самовыражение индивида и тем более не была ему идентичной, а заключалась лишь в тенденции к указанному самовыражению. Этим подчеркивался латентный характер активности, предполагающий включение в данное понятие внешне не проявляющихся процессов, таких, например, как умственная активность или формирование установок, а также ее бессодержательность, означающая, что содержательными являются качество и уровень ее реализации, обеспечиваемые содержанием интеллекта и ценностно-мотивационной сферы личности.

Следует отметить, что В. Д. Небылицын нигде специально не раскрывал семантику понятия «активность», однако смысл, вкладываемый им в данное понятие, может быть раскрыт тремя показателями, которые он предложил для измерения уровня активности индивида: ин-

дидивидуальным темпом моторных актов, склонностью индивида к разнообразию действий, предпринимаемых по инструкции, и потребностью в движениях [19, с. 261]. В обобщенном виде эти характеристики сводятся к определению, как много и быстро делает человек за определенное время.

Глубоко изучавший затем активность В. М. Русалов предложил разделить активность на эргичность (т. е. работоспособность, выносливость), пластичность и скорость. Изначально ему удалось выделить в качестве независимых аспектов активности скорость и эргичность в умственной деятельности, скорость и эргичность в психомоторике, стремление к разнообразию в умственной деятельности, которое В. М. Русалов назвал «пластичностью», и сокращение времени решения задач в ходе работы над ними (последний аспект В. М. Русалов назвал «обучаемостью»). В дальнейшем, стремясь к большей гармоничности предложенной им модели, В. М. Русалов, как уже упоминалось, унифицировал структуру активности и стал писать об одних и тех же трех компонентах (выносливости или же, иначе, эргичности, а также пластичности и скорости), реализующихся в социальной и предметной сферах деятельности индивида. В результате факторного анализа ЭЭГ-показателей 40 испытуемых В. М. Русалов совместно с М. В. Бодуновым выявил четыре общемозговых фактора, характеризующих различные аспекты активации нервной системы в целом. Проведенные исследования позволили выявить положительные корреляции между конкретными ЭЭГ-параметрами и тремя основными составляющими активности, какими их видели эти исследователи: скоростью,

эргичностью и разнообразием действий [22, с. 140—154, 272—283; 24, с. 94—113].

Определенный вклад в изучение активности внесла и Э. А. Голубева, связывавшая активность, прежде всего, с активированностью, которую считала энергетической базой психической активности [4, с. 219; 13, с. 119]. Э. А. Голубева не проводила экспериментального изучения ЭЭГ-коррелятов психической активности, ссылаясь на то, что это уже было сделано В. Д. Небылицыным, В. М. Русаловым, А. И. Крупновым и другими [4, с. 218]. Однако она выделила различные ЭЭГ-показатели, с помощью которых можно было объективно регистрировать баланс торможения и возбуждения и в случае изучения активированности как актуального состояния нервной системы, и при анализе активированности как ее типологического свойства [4, с. 161].

Э. А. Голубева также не дала своего определения активности, ссылаясь на работы Б. Р. Кадырова, посвященные исключительно динамической стороне психической активности. В свою очередь, Б. Р. Кадыров, вслед за Б. М. Тепловым, называл весь комплекс проявлений феномена активности «формально-динамическими проявлениями психики». Однако в своих работах Б. Р. Кадыров предусматривал еще и наличие содержательной стороны феномена, подчеркивая при этом, что психофизиологические методы призваны исследовать лишь динамический аспект активности [7, с. 133]. Такое амбивалентное отношение к понятию привело к тому, что в работах Б. М. Кадырова анализ умственной активности часто подменялся анализом эффективности умственной деятельности — параметра, связанного с активностью, во многом

производного от нее, но совершенно не идентичного ей [6].

Амбивалентное понимание активности является характерным и для работ Н. С. Лейтеса, который при этом приложил много усилий к решению проблемы разведения информационной и энергетической сторон деятельности, а также к доказательству необходимости приоритетного рассмотрения динамической стороны деятельности и определяющих эту сторону нервно-психических процессов. Указав, что активность связывается исследователями и с лабильностью, и с динамичностью, и с уравновешенностью, Н. С. Лейтес выразил очень важное мнение о необходимости учитывать при анализе активности еще и силу нервной системы, т. е. ее выносимость [12, с. 387–389].

Достаточно своеобразное понимание активности предложил работающий в близкой исследовательской парадигме Я. Стреляу. Он определял активность как тенденцию совершать действия высокой стимулирующей силы или действия, вызывающие сильную стимуляцию извне [27, с. 48, 100]. Очевидно, что в подобной трактовке термина «активность» наблюдается определенный элемент условности, сопровождающий попытку автора с некоторым напряжением уложить термин «активность» в «прокрустово ложе» постулируемой им теории, приспособить данное понятие к положению об оптимальной стимуляции².

Одновременно и независимо от представителей школы Б. М. Теплова изучением темперамента занимался и В. С. Мерлин, который выделил такие

свойства темперамента, как сензитивность, реактивность, пластичность установок, тревожность, экспрессивность, экстравертированность, эмоциональная возбудимость, активность произвольной целенаправленной деятельности [16].

Таким образом, в результате анализа работ, посвященных динамическим особенностям индивида, становится понятно, что в них не наблюдается единства относительно содержания термина «активность». Не существуют также и общих представлений о том, какие типологические свойства нервной системы могли бы считаться референтом общей психической активности людей.

В целом же, подводя общий итог рассмотрению использования понятия «активность» в отечественной психологии, следует отметить несколько моментов, затрудняющих применение данного понятия в конкретных психологических исследованиях.

1. Понятие «активность» является содержательно амбивалентным. С одной стороны, оно описывает информационный аспект деятельности, позволяющий противопоставить деятельность, направленную на реализацию индивидом образа потребного будущего, простому реагированию на стимулы внешней среды. С другой стороны, понятие «активность» характеризует энергетический аспект деятельности, заключающийся в ее темпе, напряженности, скорости и иных динамических характеристиках.

2. Употребление термина «активности» в информационно-деятельностном аспекте привело к неоправданному рас-

² Впрочем, если не ставить содержание используемого термина во главу угла, следует признать, что представления Я. Стреляу о структуре темперамента легко операционализируются и в этом качестве служат хорошим основанием для создания разного рода диагностических инструментов.

ширению понятия, включению в него столь разнообразных категорий, как установки, поведение, сознание, мышление, направленность и т. д.

3. В энергетическом плане понятие «активность» характеризует то, как быстро действует индивид и как много им делается в определенный промежуток времени. При этом за пределами трактуемого подобным образом понятия остается такой важный аспект понимания человеческой активности обыденным сознанием, как длительность демонстрируемой человеком энергичности, время проявления им высокой работоспособности.

Очевидно, что сложившееся в данной сфере положение дел, не позволяя точно операционализировать данное понятие, препятствует эффективному изучению человеческой активности как самостоятельного психологического феномена.

В этой связи представляется целесообразным рассматривать активность исключительно как энергетическую характеристику деятельности, в то время как другой важнейшей характеристикой деятельности является ее содержание. Если исходить из словарного определения модальности, гласящего, что модальность (от лат. *modus* — размер, способ, образ) — категория, характеризующая способ действия или отношение к действию, то можно считать, что активность — внемодальна. Отсюда все мотивационно-целевые и иные смысловые аспекты являются атрибутом деятельности, но не активности, равно как и разные виды деятельности не характеризуются разными видами активности.

Следует исходить из того, что активность должна измеряться, прежде всего, количеством психической энергии, которое индивид затрачивает для осуществления какого-либо акта. Характеристи-

ками активности в рамках данного подхода предлагается считать динамические характеристики поведения, а точнее, «деятельности любого рода» [26, с. 74], такие как интенсивность, скорость, темп и ритм, меняющиеся в соответствии с энергией, которая расходуется на выполнение любых деятельностных проявлений, будь то моторная, интеллектуальная или коммуникативная деятельность. Соответственно, активность как свойство должна характеризовать естественный для конкретного организма средний уровень энергичности индивида, а активность как состояние — актуальный уровень энергии, проявляющейся в осуществляемой деятельности.

Предложенный подход к определению активности исходит из простого соображения о нецелесообразности обозначения одним понятием двух таких разных значений, как содержание деятельности и энергетика деятельности. Такие примеры встречаются в науке, но на долгую жизнь они могут рассчитывать лишь в случае, если такая амбивалентность удобна. Так, например, можно допустить, что физикам удобно воспринимать свет одновременно и как частицу, и как волну. Но трактовать активность и как энергетическую, и как информационно-содержательную характеристику деятельности неудобно, от чего-то надо отказываться.

Впрочем, предлагаемое решение не является единственно возможным, есть и альтернативные варианты. В частности, можно закрепить за «активностью» содержательную сторону деятельности и ввести для обозначения энергетического аспекта активности понятие «энергичность» (*energy*). Можно вообще исключить из научного языка понятие «дея-

тельность», заменить его понятием «активность» и различать в нем как энергетическую, так и содержательную стороны, не изводя себя вопросом, чем «активность» отличается от «деятельности». Такое решение проблемы, безусловно, сблизило бы русскоязычную психологию с западной, однако, к сожалению, по вполне понятным причинам данная трансформация представляется в настоящее время неосуществимой.

Предлагая понятийное разделение содержательной и энергетической сторон деятельности, следует подчеркнуть, что указанное разграничение, предусматривающее придание термину «активность» однозначности, ни в коем случае не является провозглашением биологизаторского подхода к деятельности, одностороннего объяснения деятельности и уж тем более энергетического объяснения мотивации деятельности. Направленность деятельности в целом и ее конкретная мотивация в частности зависят, прежде всего, от содержания, т. е. от ценностей человека, от его жизненных целей, доминирующих установок и т. п., а энергетика играет в данном случае второстепенную роль.

Вторым обстоятельством, требующим внимания, является вопрос о физиологическом субстрате или референте активности. Отчетливое осознание связанной с таким подходом психофизиологической проблемы не может избавить от необходимости определения своего отношения к данному вопросу, а лишь задает границы допустимых в этой связи

утверждений. Здесь, как и в предыдущем случае, речь идет о чисто конвенциональной стороне вопроса, о том, как изменить границы употребляемых понятий, не касаясь содержания механизмов, обеспечивающих возникновение и функционирование того или иного феномена, которые являются предметом соответствующих специальных наук.

Упомянутое рядом авторов закрепление за активностью в качестве референта таких свойств нервной системы, как динамичность или лабильность, характеризующих быстроту возникновения нервных процессов, представляется значительно сужающим границы понятия в том виде, в котором оно существует в обыденном массовом сознании, а значит, лишаящим исследователей возможности эффективно изучать реальные социальные процессы, связанные с трудовой и общественной активностью людей. В данной трактовке из него выпадает временной аспект активности, способность (или, наоборот, неспособность) людей проявлять свою активность длительное время. В этой связи представляется целесообразным, говоря о человеческой активности, рассматривать наряду с динамичностью нервной системы еще и ее выносливость (силу процессов возбуждения), которая представляется способностью нервной системы в условиях продолжительной или интенсивной стимуляции не переходить в состояние запредельного торможения, *более или менее* адекватно реагируя на указанную стимуляцию³.

³ На первый взгляд, сила нервной системы никак не может быть отнесена к активности, поскольку традиционно измеряет интенсивность (величину) реакции на действующий внешний стимул, т. е. реактивность [25, с. 41]. Однако данная характеристика в той же мере может относиться и к внутренней самостимуляции индивида, реализуемой им в ходе выполнения стоящих перед ним задач, а кроме того — и это главное — различия между активностью и реактивностью в бернштейновском понимании не должны браться в расчет, когда речь идет об активности как об энергетической характеристике осуществляемой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1.
2. Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности в социальной психологии // Психология личности и образ жизни / Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1987.
3. Бернштейн Н. А. Избранные труды по биомеханике и кибернетике. М., 2001.
4. Голубева Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна, 2005.
5. Ефимов В. Т., Косолапов С. М. Формирование активной жизненной позиции — цель нравственного воспитания. М., 1977.
6. Кадыров Б. Р. Способности и склонности: Психофизиологическое исследование. Ташкент, 1990.
7. Кадыров Б. Р. Уровень активации и некоторые динамические характеристики психической активности // Вопросы психологии. 1976. № 4.
8. Королева Г. В. Формирование активной жизненной позиции студенческой молодежи: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1982.
9. Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов н/Д, 1998.
10. Кругликов В. Н. Активное обучение в техническом вузе: теория, технология, практика. СПб., 1999.
11. Лазурский А. Ф. Избранные труды по психологии. М., 1997.
12. Лейтес Н. С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия: Избранные труды. М., 2008.
13. Лейтес Н. С., Голубева Э. А., Кадыров Б. Р. Динамическая сторона психической активности и активированность мозга // Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности. М., 1986.
14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
15. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
16. Мерлин В. С. Очерк теории темперамента. М., 1964.
17. Миславский Ю. А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М., 1991.
18. Небылицын В. Д. Основные свойства нервной системы человека. М., 1966.
19. Небылицын В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976.
20. Павлов И. П. Общие типы высшей нервной деятельности животных и человека // Павлов И. П. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Кн. 2. М.;Л., 1951.
21. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.
22. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979.
23. Русалов В. М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ): Методическое пособие. М., 1997.
24. Русалов В. М., Бодунов М. В. О факторной структуре интегральных электроэнцефалографических параметров человека // Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности. М., 1980.

25. *Стреляу Я.* Местоположение регулятивной теории темперамента (РТТ) среди других теорий темперамента // *Иностранная психология*. Т. 1. № 2. 1993.
26. *Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. М., 1982.
27. *Стреляу Я., Митина О., Завадский Б., Бабаева Ю., Менчук Т.* Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения). М., 2005.
28. *Трошихин В. В.* Формирование активной жизненной позиции студенческой молодежи в условиях развитого социализма. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Алма-Ата, 1981.
29. *Хайкин В. Л.* Активность (характеристики и развитие). М.; Воронеж, 2000.
30. Random House Webster's Unabridged Dictionary. 2nd ed. Random House Inc., N. Y., 1999.

Contents of the «action» category in Russian psychology

I. G. DUBOV

Doctor in Psychology, head of the Laboratory of socio-psychological issues in personality development of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education

The article provides comparative analysis of different approaches to action in Russian psychology; outlines semantic differences between the category of «action» in Russian and English languages, traces the history of assimilation of this concept by Russian psychological science. The article deals with a range of attempts to separate notions of «activity» (deyatelnost') and «action». The analysis of works in psychophysiology allows correlating conclusions on psychophysiological references with everyday notions of action. The article suggests ideas for overcoming semantic ambivalence of this category and thus helps to better operationalize the concept of «action» with the purpose of applied research.

Keywords: *action, activity, behaviour, temperament, nervous system peculiarities, setting, orientation.*

REFERENCES

1. *Abul'hanova-Slavskaya K. A. O putyakh postroeniya tipologii lichnosti // Psihologicheskii zhurnal. 1983. T. 4. № 1.*
2. *Abul'hanova-Slavskaya K. A. Tipologiya aktivnosti lichnosti v social'noi psihologii // Psihologiya lichnosti i obraz zhizni / Pod red. Shorohovoi E. V. M., 1987.*
3. *Bernshtein N. A. Izbrannye trudy po biomehanike i kibernetike. M., 2001.*
4. *Golubeva E. A. Sposobnosti. Lichnost'. Individual'nost'. Dubna, 2005.*
5. *Efimov V. T., Kosolapov S. M. Formirovanie aktivnoi zhiznennoi pozicii — cel' npravstvennogo vospitaniya. M., 1977.*
6. *Kadyrov B. R. Sposobnosti i sklonnosti: Psihofiziologicheskoe issledovanie. Tashkent, 1990.*
7. *Kadyrov B. R. Uroven' aktivacii i nekotorye dinamicheskie harakteristiki psihicheskoi aktivnosti // Voprosy psihologii. 1976. № 4.*
8. *Koroleva G. V. Formirovanie aktivnoi zhiznennoi pozicii studencheskoi molodezhi: Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. M., 1982.*
9. *Kratkii psihologicheskii slovar' / Pod red. A. V. Petrovskogo, M. G. Yaroshevskogo. Rostov n/D, 1998.*
10. *Kruglikov V. N. Aktivnoe obuchenie v tehničeskom vuze: teoriya, tehnologiya, praktika. SPb., 1999.*
11. *Lazurskii A. F. Izbrannye trudy po psihologii. M., 1997.*
12. *Leites N. S. Vozrastnaya odarennost' i individual'nye različiya: Izbrannye trudy. M., 2008.*

13. *Leites N. S., Golubeva E. A., Kadyrov B. R.* Dinamicheskaya storona psihicheskoi aktivnosti i aktivirovannost' mozga // Psihofiziologicheskie issledovaniya intellektual'noi samoregulyacii i aktivnosti. M., 1986.
14. *Leont'ev A. N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1975.
15. Materialy XXV s'ezda KPSS. M., 1976.
16. *Merlin V. S.* Ocherk teorii temperamenta. M., 1964.
17. *Mislavskii Yu. A.* Samoregulyaciya i aktivnost' lichnosti v yunosheskom vozraste. M., 1991.
18. *Nebylicyn V. D.* Osnovnye svoistva nervnoi sistemy cheloveka. M., 1966.
19. *Nebylicyn V. D.* Psihofiziologicheskie issledovaniya individual'nyh razlichii. M., 1976.
20. *Pavlov I. P.* Obshie tipy vysshei nervnoi deyatel'nosti zhivotnyh i cheloveka // Pavlov I. P. Poln. sobr. soch.: V 6 t. T. 3. Kn. 2. M.; L., 1951.
21. *Rubinshtein S. L.* Problemy obshei psihologii. M., 1976.
22. *Rusalov V. M.* Biologicheskie osnovy individual'no-psihologicheskikh razlichii. M., 1979.
23. *Rusalov V. M.* Oprosnik formal'no-dinamicheskikh svoistv individual'nosti (OFDSI): Metodicheskoe posobie. M., 1997.
24. *Rusalov V. M., Bodunov M. V.* O faktornoi strukture integral'nyh elektroencefalograficheskikh parametrov cheloveka // Psihofiziologicheskie issledovaniya intellektual'noi samoregulyacii i aktivnosti. M., 1980.
25. *Strelyau Ya.* Mestopolozhenie regul'yativnoi teorii temperamenta (RTT) sredi drugih teorii temperamenta // Inostrannaya psihologiya. T. 1. № 2. 1993.
26. *Strelyau Ya.* Rol' temperamenta v psihicheskom razvitii. M., 1982.
27. *Strelyau Ya., Mitina O., Zavadskii B., Babaeva Yu., Menchuk T.* Metodika diagnostiki temperamenta (formal'no-dinamicheskikh harakteristik povedeniya). M., 2005.
28. *Troshihin V. V.* Formirovanie aktivnoi zhiznennoi pozicii studencheskoi molodezhi v usloviyah razvitogo socializma. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Alma-Ata, 1981.
29. *Haikin V. L.* Aktivnost' (harakteristiki i razvitie). M.; Voronezh, 2000.
30. Random House Webster's Unabridged Dictionary. 2nd ed. Random House Inc., N. Y., 1999.